

Я. А. БАЛАГУРОВ
Кандидат исторических наук

ПОЛОЖЕНИЕ ОЛОНЕЦКИХ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛЕТИЯ

К началу XIX столетия горнозаводская промышленность России по количеству занятых рабочих продолжала еще занимать первое место и в ней господствовал принудительный труд. По сведениям горного департамента, в 1805 г. на 52 казенных и 171 частных горных заводах было занято 114.565 мастеровых и чернорабочих и 253.929 приписных крестьян (1).

Первая группа—это постоянные рабочие, занятые на заводе круглый год. Вторая группа—приписные крестьяне, обязанные выполнять по нарядам заводские работы, которые состояли в рубке куренных дров, разломке куч и возке из куреней на завод угля, в рубке дров для обжигания флюсов, в возке с рудников добытой руды на заводы, а также песков и всяких флюсов, в устройстве и починке плотин, поврежденных наводнением или пожаром. Приписные крестьяне эти повинности выполняли в счет подушной подати и по окончании работ возвращались домой для занятия сельским хозяйством.

Закон 15 марта 1807 года о непременных работниках не был распространен на Олонецкий горный округ, и здесь вспомогательные заводские работы выполнялись приписными крестьянами до реформы 1861 года.

К началу XIX столетия общее число приписных крестьян Олонецких горных заводов составляло 20.167 ревизских душ. По вотчинному наставлению, утвержденному берг-коллегией 11 января 1799 года, начальство заводов имело над приписными крестьянами „власть хозяйственную, распорядительную и полицейскую“ (2). Среди многочисленных озер, густых лесов и топких болот было разбросано 898 населенных пунктов, объединенных в 44 волости во главе с волостными старостами. Волостному старосте были подчинены сотские, десятские, сборщики податей и полевовщики (все вместе они составляли сельскую власть и полицию). По указу от 7 августа 1797 года волости должны были иметь население около 3 тыс. душ. Однако, учитывая бездорожье и малонаселенность Олонецкого края, здесь были созданы волости с населением от 150 до 1000 душ мужского пола, т. к.

оставлять сельское население „без особого там жившего надзора не могло иметь места“.

Несколько волостей составляли вотчину (от 2 до 3 тыс. душ мужск. пола) во главе с вотчинным правлением. Вотчинное начальство—вотчинный голова, два вотчинных старшины и вотчинный писарь—избиралось на вотчинном сходе, состоявшем из выбранных от сельского населения (один выбранный от 50 душ). За неявку выбранный штрафовался на сумму до 3 руб., за нарушение порядка на сходе следовало удаление со схода и штраф до 2 руб. Перед выборами раздавалось по 1 шару. Шары опускались в ящик, разделенный на 2 отделения: правое отделение—избирательное, покрывалось белой краской, а левое—неизбирательное, черной краской. За выборами наблюдал чиновник. Избранные на трехлетие вотчинный голова, вотчинный писарь и другие члены вотчинного правления утверждались горным начальством. Олонецкие приписные крестьяне проживали в семи вотчинах: Остречинской, Шуйской, Толвуйской, Салменижской, Петропавловской, Кижской и Рыборецкой (3).

Вотчинное наставление в пункте 33 подробно перечисляло обязанности приписных крестьян. Сельские власти получали наряды от заводской канцелярии и производили раскладку работ среди мужского населения в возрасте от 15 до 60 лет. Зажиточным предоставлялось право вместо себя нанимать работника. Крестьяне, получившие наряд на возку угля или железной руды, обязаны были приступить к работе по первому зимнему пути; рубщики дров должны были быть на месте и работать до второй половины апреля. Тяжелая и низкоплавящаяся работа была отдалена от приписных селений на расстояние до 300 верст. Во второй половине XVIII века приписные крестьяне отказались выполнять возложенные на них повинности. Для подавления крестьянского движения были направлены воинские части.

Волнения приписных крестьян в 1763—1771 гг., охватившие Кижскую, Кузарандскую, Великогубскую и другие волости, были подавлены. Руководитель восстания Клим Соболев и его сподвижники были отправлены на каторгу. Сотни крестьян были подвергнуты различным наказаниям.

После крестьянской войны 1773—1775 гг. и восстания олонецких приписных крестьян в 1769—1771 гг. положение приписных крестьян, в некоторой мере, было облегчено. По манифесту 21 мая 1779 года работы стали оплачиваться вдвое против старого „плаката“. В летние дни конному по 20 коп., пешему по 10 коп., а в зимние—конному по 12 и пешему по 8 коп. в день, с тем, чтобы крестьяне за эту плату по нарядам обрабатывали по 1 руб. 70 коп. с души (за подушную подать). Эта оплата не соответствовала существовавшим расценкам. Когда крестьяне не могли по каким-либо причинам отработать, то заводские чиновники взыскивали с крестьян деньги для найма вольных работников. Так, в начале XIX века крестьяне за дровяной урок платили от 5 до 6 руб., а в 20-х годах 22 руб. (когда крестьяне сами обрабатывали этот урок, то получали 1 руб. 70 коп.) (4). Крестьяне должны были работать не только за себя, но и за умерших после ревизии, увечных и рекрут. Далекое расстояние (в обе стороны до 600 верст) выводило из строя конское поголовье, что наносило урон сельскому хозяйству.

В 1819 году, во время пребывания в Петрозаводке Александра I, от некоторых приписных крестьян к Олонецким заводам „были поданы

прошения с жалобой на тягостные заводские работы и с просьбой облегчить их положение прибавкой цен, платимых им за заводские работы*.

Просьба крестьян после рассмотрения в комитете министров была передана на рассмотрение министра финансов, который затребовал сведения у горного начальника Олонецких заводов. Прежде чем поступили эти сведения, из министерства внутренних дел в феврале 1821 г. был переслан в министерство финансов всеподданнейший рапорт генерал-губернатора архангельского и олонецкого Клокачева о тяжелом положении приписных крестьян Олонецкой губернии. Клокачев писал, что, „истинного хозяйственного о сих крестьянах попечения правление заводов не имеет“. Генерал-губернатор и министерство внутренних дел добивались передачи полицейского надзора в селениях приписных крестьян от заводского начальства к гражданским властям, а министерство финансов и подчиненное ему горнозаводское начальство этому противилось. В пылу этой ведомственной распри чиновники министерства внутренних дел вскрыли безрадостную картину положения приписных крестьян Олонецких заводов.

По постановлению комитета министров в начале 1825 года была учреждена комиссия для расследования дела „о стесненном положении“ приписных крестьян к Олонецким горным заводам. В комиссию вошли четыре чиновника: два—от министерства внутренних дел и генерал-губернатора и два—от министерства финансов и заводской администрации. В комиссию вошли: Армстронг—от заводской администрации, чиновник Гудим—от министерства финансов, чиновник Грузинский от министерства внутренних дел и Борисов—советник Олонецкого губернского правления. После переезда комиссии из Петрозаводска в Петербург, в сентябре 1825 года, вместо начальника Александровского завода Армстронга в комиссию был введен действительный статский советник Лобри.

Чиновники министерства финансов и подчиненного ему горного департамента изо всех сил отстаивали интересы заводской администрации, отбивая атаки Борисова и, в известной мере, Грузинского. К чести Борисова надо отметить не только защиту ведомственных интересов, но и сочувствие приписному крестьянству. Схватки в комиссии начались с первых заседаний. Борисов потребовал представления подлинных книг за 5 лет для выяснения правильности оплаты крестьян. Армстронг заявил протест, указав, что комиссия не имеет права делать ревизии, а может только требовать сведения из заводских контор.

Борисов высказался за целесообразность выезда комиссии, хотя бы, в ближайшие селения, чтобы лично удостовериться в благосостоянии крестьян. Армстронг опротестовывал и это предложение, как крайне опасное для заводской администрации (5).

Пока комиссия заседала в Петрозаводске, заводские чиновники действовали на периферии. В Кондопожской волости Петропавловской вотчины заводской чиновник напоил крестьян водкой, чтобы они подписали выгодную для заводской администрации бумагу. Волостной голова из Кижской вотчины запретил крестьянам подавать жалобы в комиссию. В сентябре 1825 г. к Олонецкому гражданскому губернатору, около переправы через реку Шую, подошла толпа крестьян, которые стали жаловаться на заводских чиновников. Губернатор посоветовал обратиться в комиссию. Крестьяне ответили,

что им это делать запрещено. Присутствовавший при этом разговоре заводской чиновник Дейхман спросил крестьян: „Когда и от кого было вам запрещение?“ Группа крестьян ему ответила: „Вы сами, Петр Яковлевич, делали нам такое запрещение“ (6).

Несмотря на все препятствия комиссия собрала богатые сведения о положении приписных крестьян Александровского и Кончезерского казенных заводов. Такие ходоки как Филипп Якушев, 66-летний крестьянин с. Шуи, неоднократно арестованный и травмированный заводскими чиновниками, наивно верили в то, что комиссия улучшит положение крестьян.

В июле 1826 года ходоки от волостей дали подписку в том, что комиссия имеет все сведения о нуждах крестьян, а крестьяне должны попрежнему исполнять повинности и быть в послушании начальству (7).

Какие же данные были собраны комиссией?

Приписные крестьяне Олонецких горных заводов выполняли вспомогательные заводские работы Александровского пушечного завода в г. Петрозаводске и Кончезерского чугуноплавильного завода, расположенного в 45 верстах от Петрозаводска.

Вотчины приписных крестьян

1. Остречинская (правление в Ладвинской волости)	1945	рев. душ мужск. пола
2. Салменижская (правление в Пряжневской волости д. Пахомовской)	3157	„
3. Шуйская (правление в Шуйском погосте д. Ивановской)	3387	„
4. Петропавловская (правление в Кондопожской волости)	2564	„
5. Рыборецкая (правление в Шелтозерской Береж- ной волости)	2531	„
6. Кижская (правление в Кижской трети)	2989	„
7. Толвуйская (правление в Толвуйском погосте)	3594	„

Итого по 7 переписи	20167	рев. душ мужск. пола
	21852	„ „ жен. пола

Всего 42019 душ обоего пола (8).

Приписные крестьяне семи вотчин Петрозаводского уезда вели сельское хозяйство, в котором основную роль играло хлебопашество.

Комиссия отмечала, что в уезде почва каменная, болотистая и глинистая, а поэтому почти непрерывно следовали неурожайные годы. Хлеба в лучшем случае хватало на полгода, и крестьяне могли существовать отхожими работами. Заводские работы наносили ущерб сельскому хозяйству приписного крестьянина, т. к. „лошади по исправлении заводских работ бывают к весне тощие, и едва могут иметь движение“. По данным заводской конторы, крестьянам своего хлеба нехватает, и они ежегодно прикупают около 50 тыс. пудов, а в такие неурожайные как 1824 г. было куплено 87 тыс. пудов,

а кроме того взяли заимообразно из сельских и заводских магазинов 25 тыс. пудов (9).

Комиссия на основании более точных данных дала новые сведения, которые были ближе к истине.

Таблица 1

Ежегодные полевые работы за 10-летие (1816—1825 гг.)

	(в четвертях)			
Посеяно озимого	7248	ярового	14640	всего 21888
Валовый сбор	27486	"	44810	72076
Израсходовано на семена				21951
Продовольствие				50118
Потребность хлеба для продовольствия				74244
Недостаток				24396 (10)

Комиссия считает, что крестьянам в среднем ежегодно приходится прикупать 24 306 четвертей хлеба для личного довольствия и 5434 четверти фуража для лошадей.

Посевные площади вотчины были неравномерные. Самый большой посев был в Толвуйской вотчине (засевали в полевых участках 41 139 четвериков и в лесных распахках 139 четвериков) и самые малые в Остречинской вотчине (посев 12 345 четвериков) и в Рыборецкой (посев 14 461 четвериков). Кроме земледелия, приписые крестьяне имели и другие занятия: охоту, рыболовство и различные отхожие промыслы (каменотесная работа, крашение и набойка крестьянских холстов, столярные и печные работы, извоз, торговля и др.). Ежегодно не менее одной четвертой части взрослых крестьян получали паспорта и уходили в Петербург и другие города. В 1819 году было выдано 3 243 паспорта, в 1824 г. 2724 паспорта (самое большое количество в Рыборецкой вотчине, соответственно 1 098 и 924 паспорта) (11).

Таблица 2

Доходы приписных крестьян от разных промыслов (ежегодные)

Род занятия	Количество	Общая сумма
Рыболовство	27975 пуд.	74590 руб.
Охота (лесной зверь и птица)	—	16500 "
Заготовка бревен	—	60000 "
От продажи дом. скота, сала, масла и др.	—	12500 "
Отхожие промыслы (2724 паспорта 150 р. в среднем)	—	408600 "
Заводские работы	—	227265 "
От 85 мукомольн. мельниц дохода	—	1265 "
Итого	—	803740 руб. (12).

Эти доходные статьи, основанные на сведениях заводских контор, пытавшихся доказать „благосостояние“ приписных крестьян, были недостаточны для того, чтобы покрыть все крестьянские расходы.

Кроме тяжелых и разорительных заводских работ крестьяне должны были выполнять ряд денежных и натуральных повинностей (казенные подати, рекрутские сборы и т. д.). В Петрозаводском уезде через селения приписных крестьян проходили три почтовых тракта,

Петербургский, Архангельский и Повенецкий, а также несколько проселочных дорог. Крестьяне поставляли лошадей для почт, эстафет, курьеров и проезжающих, или платили дорожные налоги. Кроме того, крестьяне обязаны были исправлять дорожные участки, удаленные от селений от 40 до 200 верст. Крестьяне Кижской и других вотчин жаловались в комиссию, что высылка на исправление дорожных участков бывает весной в самый посев хлеба и осенью во время уборки хлебов. Крестьяне задерживались на дорожных работах от 40 до 60 дней и посевные участки не обрабатывались во-время из-за изнурения и отлучки лошадей.

Заводское начальство признавало, что дорожные повинности тяжелы, но указало, что предполагаемое проведение „прямых дорожных линий“ усугубит эту тяжесть, от чего крестьяне „лишатся и того благосостояния, в котором ныне находятся“. Было указано, что крестьяне Шуйской вотчины всякий раз встречают дорожные наряды с упорством и непослушанием (13).

Крестьяне Остречинской вотчины жаловались в комиссию на отягощение в летнее время „греблею вниз реки Свири и проводом вверх по реке Свири казенных и партикулярных судов“, ежегодное исправление бечевника и т. д. Были жалобы и на ряд других натуральных повинностей, как-то: перенос крестьянских дворов при отводе церковных земель, постройка церквей, мирских складов и т. д. (14).

Комиссия, не приняв во внимание эти тяжелые и обременительные натуральные повинности, все же была вынуждена констатировать дефицитность общего бюджета приписных крестьян.

Таблица 3

Расходы приписных крестьян (среднегодовые за 1814—1824 гг.)

Казенные подати и мирские повинности	830000 руб.
Рекрутские (в среднем)	90785 „
Покупка продовольствия и фуража (32046 четвертей по 22 рубля и 5484 четверти по 11 рублей *)	764786 „

Всего . . . . . 1185521 руб. (15).

Если эти данные комиссии сопоставить с доходами приписного крестьянства (табл. 2), то оказывается, что дефицит общего бюджета приписных крестьян составлял 381781 рубль. По данным комиссии эта цифра побольше, но это объясняется тем, что при ней не был включен доход от мукомольных мельниц в сумме 4265 руб.

Однако и эти цифры еще не дают точного представления, т. к. в расходную часть не включены убытки крестьян от заводских работ, расходы на обувь и одежду, не говоря уже о натуральных повинностях. Член комиссии Грузинский доказывал, что в 1825 г. с 20011 приписных крестьян подлежало взysкать казенных и мирских сборов с каждой ревизской души от 14 руб. 92 коп. до 19 руб. 27 коп. „Если же к этому приложить сумму, во что становится каждому крестьянину годному обработка заводского урока ... то годовая повинность с годного крестьянина составит сумму от 30 и свыше 40 руб. (16).

При рассмотрении всех этих данных в комиссии совершенно правильно заметил Борисов, что средние цифры „по сложности посева“

* Разница между данными таблицы 1 и 3 по видимому, получается от того, что в последнем случае комиссия включает приобретение крупы, соли и др.

	Семейные		Душ обоюго пола		Пахотной земли		Сенокоса		Лошадей		Коров		Овец		Приходится на одно семейство			
	Число семейств	%	Количество	%	Количество четверняков	%	Количество возов	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Пахотной зем- ли по сева и четверняк	Сенокоса по сева	Лошадей	Коров
Бедного состояния	3227	46,0	16891	39,3	56606	31,7	43828	30,6	2914	27,7	6255	26,8	4568	28,7	14,4	13,0	0,9	1,9
Посредственного со- стояния	2407	34,3	15337	36,7	72394	40,6	56266	39,2	4430	41,9	9617	41,1	6087	38,0	30,1	23,4	1,8	4,0
Зажиточные	1386	19,7	10020	24	48383	27,7	43319	30,2	3229	30,4	7554	32,1	5302	33,3	34,0	31,2	2,3	5,4
В с е г о	7020	—	41748	—	178380	—	143418	—	10573	—	23426	—	15907	—	—	—	—	—
Из числа зажиточных богатые	121	1,7	902	2,2	4783	2,7	4630	3,2	385	3,6	811	3,5	533	—	39,7	38,2	3,2	6,7
Из числа бедных бед- нейшие	507	7,2	2318	5,6	5576	3,1	4411	3,0	222	2,1	546	2,3	270	—	11,0	8,7	0,4	1,1

Таблицы №№ 1, 2 и 3 составлены автором на основании сведений, собранных комиссией по расследованию дела о положении приписных крестьян Олонекских заводов. Эти сведения комиссия собрала во время пребывания в Петрозаводске в 1825—1826 гг.

Таблица № 4 составлена автором на основании ведомостей хозяйств приписного населения, разделенного комиссией на бедных, посредственных и зажиточных.

и т. п., еще не дают ясного представления, т. к. „уравнительности в натуре нет“. И, действительно, среди приписного крестьянства шло расслоение

Из таблицы 4 видно имущественное неравенство приписных крестьян. На долю 19,7% дворов зажиточных приходится 27,7% пахотной и 30,2% сенокосной земли. На долю этих же 19,7% хозяйств приходится 30,4% лошадей и 32,1% коров. В. И. Ленин в книге „Развитие капитализма в России“ в пояснениях к сводным таблицам отмечал, что „везде состав семей у зажиточного крестьянства оказывается выше, а у несостоятельного—ниже среднего“. Такое же положение наблюдается и у олонецких приписных крестьян, но в меньшей степени.

Из числа 121 богатой семьи наиболее выделялись 32 семьи владельцев земельных участков с посевом от 60 до 180 четвериков, т. е. от 8 до 22 десятин (в Олонецкой губернии засеивалось на десятину около четверти семян). Так, крестьянин д. Ламбас-ручей Великогубской трети Василий Максимов засеивал 105 четвериков (озимых 35 и яровых 70) и имел 9 лошадей; крестьянин Толвуйской волости д. Масельская гора Дмитрий Захарьев засеивал 180 четвериков и имел 12 лошадей; крестьянин Вырозерской волости деревни Демеховская Фока Фролов засеивал 130 четвериков и имел 15 лошадей. Эти же крестьяне имели доходы от мельниц: Захарьев 55 руб. и Фролов 40 руб. в год. Во второй половине XIX века Захарьевы—кунды и владельцы лесопильных заводов. Совершенно неправильно Левинова в „Истории Онежского завода“ (по неточным данным генерал-губернатора Клокачева) приписала крестьянину Шуйской вотчины Краскову участок земли с посевом в 180 четвериков. На самом деле Красков имел земли с посевом в 54 четверика, покосов на 60 возов, 2 лошади и 10 коров (17).

Однако, по одному только землевладению еще нельзя было судить о богатстве и бедности приписного крестьянина. „Напротив того, есть такие крестьяне, которые имеют в землях ощутительный недостаток, но почитаются зажиточнее тех, кои избыточны в землепашестве“ (18). Таких семей насчитывалось: в Кижской вотчине 3, Толвуйской 6, Рыборецкой 23 и т. д. В эту категорию по всем 7 вотчинам входило 67 семейств разного состояния: крестьяне Ладвинской волости Абрам Сидоров (д. Першинской) был морским шкипером; Филимон Никитин (д. Чигинской) занимался крашением и набойкой крестьянских холстов; Андрей Агеев (д. Тарасовской)—сборщик питейных податей в Выборге; крестьянин Кончезерского старошенья Сысой Павлов (д. Нялозеро) имел капитал и возил в Петербург для продажи рыбу и птицу, а остальные занимались продажей рыбы, каменотесными работами и т. д. (19).

Одновременно с обогащением небольшого числа шел процесс обнищания значительной части приписного крестьянства. В число крестьян бедного состояния входило 46% общего количества семейств, а в число беднейших свыше 7%. Из таблицы 4 видно, что 46% приписных семейств имели лошадей около 28% и коров около 27% общего количества. Эти цифры заводской конторы не могут нас ввести в заблуждение относительно „благосостояния“ этой части крестьян. В условиях северной зимы для одной лошади или коровы необходимо около 7 возов сена (по 20 пудов воз.) Таким образом 50% коров подлежали продаже, т. к. лошадей крестьяне

обязаны были содержать для выполнения заводских работ. Богатые тоже продавали часть скота, но они продавали от богатства, а бедные от бедности. Своего хлеба, даже при хорошем урожае, за вычетом посевного и фуража большинству крестьян хватало на 3—4 месяца. Часть беднейшего населения не имела посева и скота. Так, семья Акима Григорьева из 6 душ (д. Сулаж-гора Шуйской вотчины) не имела ни посева, ни скота; семья Логина Игнатьева и Парамона Тимофеева по 4 души (д. Васильевская Шокшинской волости) не имели скота и обрабатывали незначительный земельный участок (20). Таким образом в первой четверти XIX века было налицо имущественное неравенство среди приписного крестьянства.

Выполнение вспомогательных заводских работ обременяло и разоряло приписное крестьянство и в то же время служило средством обогащения деревенской верхушки и заводских чиновников. Для выполнения угольных и дровяных „урков“ крестьяне должны были работать длительное время, зарабатывая 1 руб. 70 коп. для оплаты подушной подати. Крестьяне Шуйской вотчины писали в комиссию, что в силу круговой поруки они выполняют „урки“ за умерших, рекрут и т. д., а поэтому вынуждены уезжать из дому на всю зиму. Во время работы многие крестьяне съедали семенной хлеб, и поля оставались незасеянными. К весне начинался падеж лошадей. Крестьяне Пряжинской волости Салменижской вотчины указывали, что неурожайные годы и тяжелые заводские работы привели их к разорению и многие семейства просят милостыню. Заработанные деньги выдавались через полгода и даже через год, а поэтому часто крестьяне продавали купцам свои квитанции за половинную стоимость (21).

Наем работников для выполнения „урков“ мог быть только через заводское начальство, сдававшее подряды своим чиновникам или богатым крестьянам („свою собратию или сторонних нанимать запрещается“). Освобожденные от выполнения „урков“ натурою, крестьяне платили подрядчику до 26 руб. за каждый „урок“. Злоупотреблениям не было конца. Крестьяне нескольких волостей Рыборецкой вотчины в 1819 году за выполнение дровяных „урков“ уплатили подрядчику Покатило по 25 руб. за каждый „урок“, но подрядчик не выполнил обязательства и казна с крестьян же взыскала по 22 руб. за каждый „урок“. В 1813 году крестьяне Остречинской и Рыборецкой вотчины уплатили деньги заводскому комиссионеру Жданову, а заводская контора взыскивала с крестьян 5252 рубля за эти же самые „урки“ (22). Выступая в комиссии, Борисов указывал, что заводское начальство поддерживает Покатило и Жданова (последний был должен заводу 200 тыс. рублей), предъявивших такие справки, которые от крестьян не принимались, а там где шла речь об интересах подрядчика, „там не только справки, но одни регистры со слов сих лиц, лишь бы только были от надзирателей рудников, давали заводу право без всякого разбора обращать крестьян к подрядчикам в работу в какое бы то ни было время года...“ (23). Подрядами занимались также крестьяне Ющев, Курмоев и другие.

Комиссия установила, что дальнейшее разорение крестьян сделает их неплатежеспособными и не способными выполнять заводские работы. Борисов высказался за освобождение приписных крестьян, и не был поддержан даже Грузинским, предложившим „предоставить сие времени“. Встретив сопротивление всей комиссии, Борисов зая-

вил „особое мнение“ и был вынужден согласиться на обсуждение вопроса о повышении расценок оплаты работ (24). Председатель комиссии и член Гудим предложили установить следующие платы: за дровяные „урки“ по 8 руб., угольные 6 руб. 80 коп. и рудяные 5 руб. 10 коп. Грузинский выдвигал соответственно 12 руб., 10 р. 20 к. и 6 руб. 80 коп. и указал, что прибавка, предложенная председателем маловажная „в сравнении с возвышением цен на работы и все жизненные потребности противу цен, существовавших при учреждении плаката около 50 лет тому назад...“ Борисов, поддерживая предложение Грузинского, оговорился, что и эти цены недостаточны, но все же лучше, чем предложенные председателем. Даже при предлагаемых плакатах крестьяне понесут убытки свыше 52 тыс. руб., вследствие разницы между ценами существующими и предложенными Грузинским. В комиссии часто возникали споры. На одном из заседаний, в августе 1825 г., Гудим угрожающе (по адресу Борисова) заявлял, что прием от крестьян жалоб на обсчеты, взятки и т. п. есть превышение инструкции, могущее повлечь опасные последствия тем более, что в деревне есть люди „развратного поведения“, возбуждающие крестьян (25).

Иногда царское правительство проявляло заботу о крестьянах, но эти заботы, по словам Л. Н. Толстого, были заботами паразита о растении, соками которого этот паразит питается. По указу от 29 ноября 1799 года были организованы сельские запасные магазины для помощи крестьянам во время неурожая. В 1803 г. в ответ на ходатайство крестьян Повенецкого уезда последовал указ о ликвидации сельских магазинов в уезде, т. к. крестьяне имеют незначительные земельные участки и не получают надлежащего урожая из-за сурового климата. Это положение распространялось „на всю часть, лежащую за Повенцом к шведской границе, называемую Лопские погосты.., в которой считается 3310 мужского пола душ“. Приписные крестьяне 38 волостей (из общего числа 44-х) просили комиссию ликвидировать сельские магазины, которые „наводят им бесполезные затруднения и отягощения...“

В 1825 году в сельских магазинах было в наличности хлеба 3 тыс. четвертей и в виде недоимок за крестьянами свыше 8 тыс. четвертей. Крестьяне обязаны были ежегодно, даже в неурожайные годы, кроме уплаты недоимок сдавать по $\frac{1}{2}$ четверика ржи и $\frac{1}{2}$ гарнца ярового с ревисской души. На обязанности крестьян лежала постройка и ремонт сельских магазинов, выделение караульщиков и смотрителей. Зерно, хранимое в магазинах, часто было непригодно для посева, т. к. вносимое мелкими партиями оно было засорено, а привезенное из южных губерний не успевало созреть. Получение семенного зерна у богачей вовлекало бедноту в кабалу. Комиссия рекомендовала ввести денежный налог для закупки зерна на Шунгской ярмарке. Заводская администрация протестовала против уничтожения сельских запасных магазинов, хотя и признавала, что „по малому урожаю и нередко случающейся от несвоевременных морозов гибели хлебов, поддержать сие учреждение с большою пользою ни малейшей нет надежды...“ (26).

Подводя итоги своей работы, комиссия отмечала, что причинами обеднения крестьян являлись следующие обстоятельства:

1. Недостаток земли и неравномерное ее распределение;

2. Вспомогательные заводские работы, убыточные и обременительные, ведут к разорению основную массу приписных крестьян, обогащая ничтожную кучку подрядчиков и заводских чиновников;

3. Приписные крестьяне кроме выполнения заводских работ несли тяжеле денежные и натуральные повинности (рекрутская, дорожная, подводочная и др.). Все это, вместе взятое, вызывало дефицит общего крестьянского бюджета семи вотчин в размере 380 тыс. руб. ежегодно. Верхушка деревни обогащалась, занимаясь выполнением заводских подрядов и торговлей, сосредоточивая в своих руках лучшие земельные посевные участки, сенокосы и т. д.

Работа комиссии вызвала неясные надежды среди приписного крестьянства Олонекских заводов. В начале 1827 года министр финансов неоднократно предлагал комиссии закончить свою работу. Весной 1827 г. работы комиссии были закончены. Чиновники министерства внутренних дел Лобри и Гудимов получили бриллиантовые знаки ордена Анны и денежное вознаграждение.

Во избежание волнений среди приписных Олонекских заводов в 1828 г. правительство отменило отработку за умерших и отданных в рекруты, но выполнение урков за должностных лиц и увечных осталось в силе. По новому положению проходные деньги от селения до места работы стали выплачиваться не 6, а 20 коп.; за выполнение урков — вместо 1 руб. 70 коп. — 6 руб. 30 коп.

В 1861 г. было издано положение об освобождении крестьян, приписанных к Олонекским заводам, в течение трех лет. Олонекский губернатор Арсеньев в секретном донесении писал в 1863 г. министру внутренних дел, что начальник заводов Фелькнер пытается задержать освобождение приписных крестьян, т. к. ему „тяжело расстаться с даровыми рабочими силами, состоящими в безотчетном распоряжении“ (27).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. К. А. Нажитов. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности. «Исторические записки», 1940, кн. 7, стр. 236.
2. ЦГИАЛ (Центр. Гос. Ист. Архив в Ленинграде). Фонд комиссии об улучш. положения крестьян, приписк. к Олонек. горн. заводам, д. № 53, л. 599.
3. ЦГИАЛ. Фонд комиссии об улучшении положения крестьян, приписных к Олонекским горным заводам, д. 53, лл. 343 и 362.
4. ЦГИАЛ. Фонд, комиссии об укучении положения крестьян Олонекских заводов, д. 53, л. 169; С. Левидова. История Онежск. завода, стр. 30.
5. ЦГИАЛ. Фонд комиссии об улучшении положения крестьян Олонекских заводов д. № 3, лл. 117—118 и 128—129.
6. Левидова, указ. соч., стр. 67.
7. ЦГИАЛ. указ. фонд, д. № 3, лл. 1240—1245.
8. ЦГИАЛ. там же, д. 53, лл. 242, 287—290.
9. ЦГИАЛ. там же, д. 53, лл. 314—315 и 334.
10. ЦГИАЛ. указ. фонд, д. 53, лл. 314—315.
11. В основном данные 1824 г. См. ЦГИАЛ, фонд комиссии об улучшении положения крестьян Олонекских заводов, д. № 3, л. л. 1144—1149, д. 53, 211—211 и др.
12. ЦГИАЛ, указ. фонд, дело № 53, л. л. 251—253 и др.
13. Там же, д. 53, л. л. 241—242, 247 и др.
14. ЦГИАЛ, указ. фонд, д. № 3, л. л. 1144—1149.
15. С. Левидова, указ. соч. стр. 62.
16. ЦГИАЛ, указ. фонд, д. 53, л. л. 215—216 и др.
17. ЦГИАЛ, указ. фонд, д. 53, л. л. 222, д. 3 л. л. 750—764, 404—405 и др.
18. ЦГИАЛ, указ. фонд, д. 53, л. 216.
19. Там же, дело № 3, л. 70.
20. ЦГИАЛ, указ. фонд, д. 3, стр. 675 и 685.
21. Там же, д. лл. 1—6 и д. 53, л. 235.

22. ЦГИАЛ, указ. фонд, д. № 53, лл. 238—239.
 23. Там же, д. № 53, л. 107—108.
 24. Борисов предлагал убытки казны от освобождения приписных крестьян в сумме 65 тыс. руб. в виде особого налога разложить на всех крестьян Олонецкой губернии.
 25. ЦГИАЛ, указ. фонд, д. № 51, лл. 125—126 и лл. 131—132, д. № 53, л. 68, д. № 3, л. 61.
 26. ЦГИАЛ, указ. фонд, д. № 53, лл. 313, 227—234 и 210.
 27. С. Левидова, указ. соч. стр. 75.

J. A. Balagurov

AUNUKSEN LÄÄNIN TUOTANTOLAITOKSILLE KUULUVIKSI KIRJOITETTUIEN TALONPOIKAIN ASEMA XIX VUOSISADAN ENSIMMAISELLA NELJÄNNEKSELLÄ. YHTEENVETO

XIX vuosisadan alkuun mennessä Aunuksen läänin vuoriteollisuuden tuotantolaitoksille kuuluviksi kirjoitetut talonpojat (20167 henkivakuutuksen alaista ihmistä) suorittivat tehtaissa aputyöläisten töitä mitättömästä palkasta. Talonpoikain tsaarille esittämä anomus kenraalikuvernööriin poiskutsumisesta sai aikaan komitean säättämisen tuotantolaitoksille kirjoitetujen talonpoikain vaikean aseman tutkimiseksi. Tämän komitean aineiston tutkimisen perusteella onkin kirjoitelma kirjoitettu. Komitea työkenteli vuoden 1825 alusta vuoden 1826 syyskuun loppuun Petroskoissa ja sittemmin jonkun aikaa Pietarissa. Todettiin, että maanviljelys oli rappio-tilassa ja että talonpojille riitti omaa viljaa kuudeksi kuukaudeksi vuodessa. Vähintään 25% talonpoikaistosta lähti vuosittain ansiotöihin. Tuotantolaitoksille kuuluville talonpojille asetettiin sarja raha- ja luontaisveroituksia (valtion- ja kyläkunnanverot, rekryyttivelvollisuus y.m.), tehtaan johto heitä ahdisti ja petkutti maksussa. Komitean tietojen mukaan voidaan saada selville talonpoikaiston jakaantumisprosessi. 19,7% varakkaista talonpojista omisti 27,7% kylvömaista, 30,2% niittymaista, 30,4% hevosista ja 32,1% lehmistä. Samanaikaisesti 46% tuotantolaitoksille kuuluvista talonpoikaisperheistä omisti 27% lehmistä ja 28% hevosista. Viimemainitun ryhmän osalle lankesi raskain työtaakka. Komitea totesi, että talonpoikain taloudellisen rappeutumisen jatkuminen tekee heidät kykenemättömiksi suorittamaan tehdastyötä. Tarkoituksella ehkäistä kapinain puhkeaminen kohotettiin tuotantolaitoksille kuuluville talonpojille jonkun verran palkkoja, mutta talonpoikain riippuvaisuus tuotantolaitoksista jäi voimaan vuoteen 1864.